

A woman with long dark hair, wearing a dark, off-the-shoulder dress, is seated in a dimly lit studio. She is looking out of a large window on the left. The studio features a brick wall, a large window with a view of a city, an easel with a painting, and a wooden chair. The lighting is dramatic, with a warm glow from a lamp on the left and a cooler blue light from the window. The overall mood is artistic and intimate.

МАСТЕРСКАЯ

АЛЕКСАНДР ШАЕВИЧ

Александр Шаевич

Мастерская

<https://litres.ru/74097939>

SelfPub; 2026

Аннотация

Частный детектив Марина Соколова берётся за дело, которое полиция отказалась расследовать — исчезновение молодой художницы Алисы из закрытого богемного круга художника Виктора Орлова. Чтобы проникнуть в замкнутый мир лофт-студии на окраине северного города, Марине приходится войти в него не как следователь, а как новая модель — и вскоре она обнаруживает, что расследование требует куда большей близости с подозреваемыми, чем предполагала любая профессиональная подготовка. Чем глубже она погружается в тайны круга — подделки картин, отмывание денег, опасную игру власти между художником и его музой — тем труднее ей отделить долг от подлинного чувства. Чувственная детективная повесть о том, как страсть может одновременно мешать правде и быть единственным путём к ней.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Александр Шаевич

Мастерская

Глава 1

Город встретил Марину так, как встречает всегда — серым небом, низким и плотным, будто

кто-то специально натянул его пониже, чтобы скрыть верхние этажи старых фабричных

корпусов. Она любила этот квартал именно за это: за честность его уродства, за ржавчину

на трубах, которая никого не пыталась обмануть. В отличие от того, что находилось внутри.

Кабинет галеристки оказался в самом начале улицы — стеклянная коробка, врезанная в

кирпичный фасад девятнадцатого века, с тем особым видом нарочитой простоты, которая

стоит дороже любой роскоши. Хозяйка кабинета, женщина лет пятидесяти с короткой

стрижкой и слишком прямой спиной, поднялась навстречу, не дожидаясь, пока Марина

дойдёт до стола.

— Анна Кравцова, — представилась она, хотя Марина уже знала это имя — оно стояло под

половиной каталогов современного искусства, которые ей доводилось видеть. — Спасибо, что приехали так быстро.

— Вы сказали по телефону, что дело срочное, — Марина опустила в кресло, не снимая пальто. — И что не хотите идти в полицию.

— Не хочу, — Кравцова не стала юлить, и за это Марина была ей благодарна. — В полиции

это будет дело о пропавшей девушке, которая просто решила сменить обстановку. У них

нет времени разбираться с богемными драмами.

— А вы считаете, что здесь не просто драма.

— Я считаю, что Алиса Реброва не из тех, кто исчезает без предупреждения, — Кравцова

достала из ящика стола тонкую папку и подвинула её через стол. — Две недели назад она

должна была привезти финальные работы для выставки. Не приехала. Не отвечает.

Телефон отключён, в соцсетях тишина с того самого дня.

Марина открыла папку. Несколько фотографий — молодая женщина, лет двадцати пяти, с

тем типом лица, которое художники называют «фактурным»: резкие скулы, светлые, почти

прозрачные глаза, взгляд, в котором было что-то одновременно дерзкое и уязвимое. На

других снимках — её работы: крупные полотна, мрачные,

плотные по цвету, с фигурами,
которые казались наполовину растворёнными в фоне.

— Она художница.

— Художница и модель. Позировала Виктору Орлову последние два года. Знаете это имя?

Марина знала. Орлов был из тех фигур, чьи имена всплывают в разговорах об искусстве с

придыханием — не самый известный широкой публике, но обладающий тем особым

статусом внутри узкого профессионального круга, который значит больше публичной

славы. Лофт-студия на набережной, бывшая ткацкая фабрика, переделанная под

мастерские для десятка избранных — она читала об этом месте, никогда не была внутри.— Алиса жила и работала в его студии последний год, — продолжила Кравцова. — Там же

живёт его постоянная муза, Лера Воронцова. Ещё несколько человек по периферии —

фотограф, скульптор, девушка, которая недавно присо-
единилась к кругу. Замкнутая

система, в которую посторонним вход закрыт.

— Но мне вы предлагаете туда войти.

— Я предлагаю вам единственный реальный способ узнать правду. — Кравцова впервые за

разговор позволила себе паузу, будто подбирая слова

осторожнее. — Я устрою вам заказ

портрета у Орлова. Он сейчас ищет новую модель для серии работ — то, что он называет

«исследованием взгляда». Вы подходите по типуажу.

— Вы хотите, чтобы я позировала.

— Я хочу, чтобы вы нашли Алису. Способ — на ваше усмотрение. Но без доступа внутрь

круга вы не узнаете ничего, кроме того, что они сами захотят рассказать.

Марина закрыла папку и долго смотрела на обложку, прежде чем ответить.

— Почему вы так уверены, что с ней что-то случилось? Может, она действительно просто устала и уехала.

— Потому что три дня назад я получила письмо с её электронной почты, — Кравцова

сказала это тихо, почти буднично, и от этой будничности слова прозвучали тяжелее. — Три

строки, никаких объяснений. «Со мной всё в порядке, не ищите меня, мне нужно время».

Это не похоже на то, как Алиса пишет. Совсем не похоже.

— Стиль изменился?

— Дело не в стиле. В Алисе никогда не было фразы «не ищите меня». Она всегда хотела,

чтобы её искали. Чтобы её замечали. — Кравцова подняла взгляд, и в нём впервые

проступило что-то похожее на настоящий страх. — Это письмо написал не она. Или она — но не по своей воле.

Лофт-студия Орлова занимала весь третий этаж бывшей фабрики, и уже с лестницы было

слышно, как внутри происходит что-то живое — голоса, музыка, звон стекла. Марина

поднималась медленно, разглядывая пространство переходов: бетон, обнажённые трубы,

граффити, которые выглядели слишком хорошо продуманными, чтобы быть случайными.

Дверь была не заперта. Она вошла без стука — так, как, по её расчётам, вошёл бы человек,

уже знакомый с правилами этого места.

Студия открылась одним огромным пространством — высокие потолки, окна в полную

стену, через которые серый дневной свет падал на десятки полотен, расставленных и

развешанных без видимой системы. В центре — длинный стол с остатками вчерашнего

застолья: бутылки, тарелки, пепельницы. У дальней стены, на фоне окна, стоял мужчина —

высокий, с тем типом небрежной элегантности, которая требует немалых усилий, чтобы

выглядеть естественной. — Вы, должно быть, Марина, — он не обернулся сразу, продолжая разглядывать холст

перед собой, и в этой паузе было что-то нарочитое, проверочное. — Анна предупредила, что пришлёт интересного человека. Она не ошиблась. — Вы даже не видели моего лица. — Я вижу, как вы стоите. — Теперь он обернулся, и взгляд его прошёлся по ней с той же скоростью, с какой профессионал оценивает холст — не оскорбительно, но абсолютно беспардонно честно. — Это говорит больше, чем лицо. Виктор Орлов оказался моложе, чем она представляла по фотографиям в каталогах — может быть, чуть за сорок, но с той потрёпанной красотой, которая у некоторых мужчин с возрастом становится только убедительнее. Тёмные волосы с проседью, небрежно собранные, рубашка в пятнах краски, расстёгнутая на две пуговицы больше, чем требовала погода. — Меня предупредили, что вы ищете модель для новой серии, — сказала Марина, стараясь, чтобы голос звучал спокойно-деловито, без той интонации, которую он, кажется, уже пытался уловить. — «Исследование взгляда», — Орлов произнёс название почти торжественно. — Меня интересуют лица, которые умеют скрывать. Большинство

людей, когда их фотографируют

или рисуют, выдают себя полностью — открываются, как книги. Это неинтересно. Мне

нужны лица, за которыми чувствуется текст, который не читается с первого раза.

— И вы думаете, моё лицо такое?

— Я думаю, что узнаю это, когда начну работать. — Он подошёл ближе, остановившись на

расстоянии, которое было чуть меньше принятой дистанции для незнакомых людей —

расчётливо меньше, как заметила Марина. — Первый сеанс сегодня?

— Если вам удобно.

— Мне всегда удобно работать. — Он улыбнулся, и в этой улыбке было ровно столько

обаяния, сколько нужно, чтобы не дать собеседнику времени насторожиться. — Лера

покажет вам, где переодеться. Лера!

Из глубины студии, из-за ряда стеллажей с холстами, появилась женщина — невысокая, с

тёмными волосами, заплетёнными в свободную косу, в одежде, которая выглядела

одновременно богемно и продуманно. Она шла медленно, с той особой грацией, которая

знает, что на неё смотрят, и взгляд её, остановившийся на Марине, был внимательным до

неприятности — словно она читала не лицо, а намерения за ним.

— Новая модель, — сказал Орлов без дальнейших пояснений.

— Вижу, — ответила Лера, не отводя взгляда. — Идите за мной.

Они прошли мимо стеллажей, мимо ряда незаконченных холстов, и Марина невольно

замедлила шаг у одного из них — портрет молодой женщины со светлыми глазами, тот же

типаж, что на фотографиях в папке Кравцовой. Работа была недописана: лицо проступалочётко, а тело растворялось в неопределённых, размытых мазках, будто художник остановился на середине мысли.

— Это Алиса, — сказала Лера, заметив, куда смотрит Марина. Голос её был ровным, без

эмоций, но в этой нейтральности чувствовалось напряжение, как тугая струна под

спокойной поверхностью воды. — Наша бывшая модель.

— Бывшая?

— Она уехала, — Лера произнесла это так же буднично, как Кравцова произносила слова

про письмо — и эта буднична была почти зеркальной, но смысл противоположным. — Так

бывает с моделями. Приходят, работают, уходят. Искусство не терпит постоянства.

— А вам не жаль незаконченную работу?

Лера посмотрела на холст долгим взглядом, и на секунду что-то промелькнуло в её лице —

не печаль, что-то более сложное, ближе к раздражению, смешанному со страхом.

— Виктор закончит её. Или не закончит. Это решает он.

Она открыла дверь в маленькую боковую комнату — гри-мёрную с зеркалом, вешалкой, ширмой.

— Переодевайтесь здесь. Есть несколько вариантов одежды на выбор, Виктор скажет, что предпочитает для первого сеанса.

— Лера, — сказала Марина, прежде чем та успела выйти, — можно личный вопрос?

— Зависит от вопроса.

— Вы давно здесь? В этом круге.

— Достаточно давно, чтобы знать все правила. — Лера остановилась в дверях, и взгляд её

на секунду стал острее, прямее. — И достаточно давно, чтобы понимать, когда кто-то задаёт вопросы не из обычного любопытства.

Она вышла, не дожидаясь ответа, и Марина осталась одна в маленькой комнате, перед

зеркалом, разглядывая своё отражение с тем особым ощущением, которое всегда

приходило к ней в начале сложного дела — смесь азарта

и тревоги, узнавания того, что она
уже глубже внутри истории, чем планировала быть на
этом этапе.

Глава 2

Первый сеанс начался без предисловий. Орлов поставил единственный стул посреди

освобождённого пространства, под прямым потоком серого света из окна, и указал на него

коротким жестом.

— Сядьте так, как вам удобно. Я скорректирую сам.

Марина села, чувствуя странную незащищённость — не от обнажённости (Орлов попросил

её остаться в простом тёмном платье, которое нашлось среди вариантов в гримёрной), а от

самого процесса оценивающего разглядывания, под которым она оказалась. Он подошёл ближе, чем требовалось для простой коррекции позы. Его пальцы коснулись

её подбородка, разворачивая лицо на несколько градусов к свету — прикосновение

профессиональное, выверенное, но задержавшееся на долю секунды дольше необходимого.

— Свет должен падать вот так, — сказал он, отступая на шаг, чтобы оценить эффект. —

Видите тень под скулой? Это то, что я ищу.

— Вы всегда так подробно объясняете модели, что делаете?

— Не всегда. — Он взял уголь, придвинул мольберт ближе. — Но мне интересно, как вы реагируете на объяснения. Это часть исследования.

Следующий час прошёл в тишине, прерываемой только скрипом угля по бумаге и редкими

короткими репликами Орлова — «поверните голову», «опустите взгляд», «не двигайтесь так

быстро, я не успеваю». Марина чувствовала, как тело при-
выкает к неподвижности, как

мысли начинают блуждать там, куда она обычно не позво-
ляла им заходить — потому что

неподвижность тела освобождает разум для того, что
обычно прячется за деятельностью.

— Расскажите о себе, — сказал Орлов, не отрывая взгляда
от холста.

— Что вы хотите знать?

— То, что вы готовы сказать незнакомцу, который вас ри-
сует. Обычно это говорит больше,

чем то, что люди рассказывают друзьям.

— Я работаю с людьми, — сказала Марина, осторожно
подбирая слова на границе правды

и легенды. — Консультирую по сложным вопросам, кото-
рые требуют дискретности.

— Загадочно.

— Профессионально.

Он усмехнулся, не отрываясь от работы.

— Мне нравится загадочность. Большинство моих моделей открываются слишком быстро

— рассказывают всю свою жизнь за один сеанс, словно холст — это исповедальня. Вы держитесь иначе.

— Это плохо для вашей работы?

— Это идеально для моей работы. — Он отступил от мольберта, разглядывая результат с прищуром. — Я не рисую людей, которые рассказывают всё. Я рисую людей, в которых остаётся вопрос.

Он подошёл ближе, на этот раз без предлога коррекции позы, и остановился на расстоянии, которое заставило Марину почувствовать тепло его присутствия как физическую данность.

— У вас интересный взгляд, — сказал он тихо. — Вы смотрите так, будто оцениваете меня в той же степени, в какой я оцениваю вас.

— Может быть, так и есть. — Это меня устраивает. — Он не отступил, и пауза между ними затянулась дольше, чем требовала простая профессиональная дистанция. Марина чувствовала, как что-то в воздухе студии меняется — не угрожающе, но определённо, как изменение давления перед грозой. — Алиса смотрела так же. В начале.

Имя, произнесённое внезапно, прозвучало как испытание — и Марина поняла, что должна ответить осторожно, не выдавая интереса, который был у неё на самом деле.

— Та девушка с портрета в коридоре?

— Да. — Что-то изменилось в его лице — лёгкая тень, быстро спрятанная за

профессиональной маской. — Она была талантливой. Сложной. Хорошей моделью, пока не перестала ею быть.

— Перестала?

— Люди меняются, когда узнают слишком много о процессе, — сказал Орлов,

отворачиваясь к мольберту, и в этой фразе, произнесённой как философское наблюдение,

Марина уловила что-то более конкретное, что-то похожее на предупреждение,

замаскированное под абстракцию. — Перестают быть просто объектом наблюдения и

начинают задавать вопросы. Это разрушает чистоту работы.

— А что происходит, когда модель начинает задавать вопросы?

Он посмотрел на неё долгим взглядом, и в этом взгляде была смесь оценки и чего-то ещё —

возможно, удовольствия от того, что разговор пошёл туда,

куда он, кажется, сам направлял
его.

— Тогда либо модель находит ответы, которые её удовлетворяют, — сказал он медленно, —

либо уходит искать их в другом месте.

— А Алиса нашла ответы?

— Алиса уехала, — сказал он коротко, и тон его сменился, давая понять, что тема закрыта

для сегодняшнего разговора. — Достаточно на сегодня. Я закончу набросок, вы можете переодеться.

Марина поднялась со стула, чувствуя, как мышцы затекли от долгой неподвижности, и

пока она шла к гримёрной, спиной чувствовала его взгляд — тот же оценивающий,

изучающий взгляд, с которым он встретил её час назад, только теперь в нём было что-то добавившееся, более личное.

В гримёрной, переодеваясь, она услышала голоса из основного пространства студии —

Орлов разговаривал с кем-то, голос приглушён, но узнаваем — Лера. Слов было не

разобрать, но тон был напряжённым, почти спорящим, и когда Марина вышла, обе фигуры

уже стояли на расстоянии друг от друга, демонстрируя ту нейтральность, которая обычно

следует сразу после конфликта.

— Завтра в то же время? — спросил Орлов, провожая её к двери, голос его снова был

ровным, профессиональным.— Лера организует процесс, если у вас будут вопросы по студии. — Он на секунду задержал

её взгляд своим, и в этой задержке было что-то похожее на приглашение, которое не было

произнесено вслух. — Рад, что вы согласились на это, Марина. Чувствую, что это будет

интересная серия.

Выходя из студии, на лестнице, Марина позволила себе ту паузу, в которой обычно

анализировала первые впечатления от дела. Орлов был именно таким, каким она ожидала

— харизматичным, контролирующим, привыкшим к тому, что его взгляд решает, кто

достоин его внимания. Но за этим контролем чувствовалось что-то менее уверенное, какая-

то трещина, которая проступала каждый раз, когда разговор касался Алисы.

Лера была сложнее для прочтения — её спокойствие казалось наигранным, выстроенным

как защита, а не как естественное состояние. И тот короткий, напряжённый разговор с

Орловым, свидетелем которого Марина случайно стала,

говорил о напряжении внутри

круга, которое не имело отношения к искусству.

Она спустилась на улицу, в холодный вечерний воздух, и достала телефон, чтобы записать

первые впечатления, прежде чем они растворятся в потоке последующих событий. Но

прежде чем начать писать, она остановилась, поймав себя на том, что думает не о деле, а о

том, как прозвучал голос Орлова, когда он сказал «у вас интересный взгляд» — и о том

коротком, неприятном узнавании, что часть её, та часть, которую она привыкла держать

под строгим контролем, отозвалась на это с интересом, которого она не планировала

испытывать.

Это было плохим знаком. Профессиональным — и личным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.